

ДОНЖУАНСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

**В компании с ироническими детективами
Елены Логуновой всегда весело!**

Джип из тыквы
Закон вселенской подлости
Синяя курица счастья

**Читайте о похождениях тележурналистки Елены и ее боевой подруги
Ирки, способной справиться с любым злодеем:**

Принц в неглиже
Везет как рыжей!
Конкурс киллеров
Кляча в белых тапочках
Секретная миссия Пиковой дамы
Звезда курятника
Снегурка быстрой заморозки
Коктейль из развесистой клюквы
Красота спасет мымр
Кукиш с икоркой
Брак со стихийным бедствием
Любовные игры по Интернету
Стрела гламура
Афродита размера XXL
Шопинг с Санта-Клаусом
Последний путь под венец
Наследница Шахерезады
Боты для ночного эльфа

**Наслаждайтесь приключениями
потомственной авантюристки Индии Кузнецовой:**

Суперклей для разбитого сердца
Дефиле озорных толстухек
Шоу секс-символов
Молилась ли ты на ночь?
Банда отпетых дизайнеров
Статуя сексуальной свободы
Спокойно, Маша, я Дубровский!
Руссо туристо, облик морале
На сеновал с Зевсом
Рука и сердце Кинг-Конга
Декамерон по-русски
Ванна с шампанским
Кактус Нострадамуса
Свидание на пороховой бочке

**Непринужденно и весело решайте детективные головоломки
вместе с Таней Ивановой:**

Хижина тети Томы
Круговорот парней в природе
Напиток мексиканских богов
12 невест миллионера

**Распутывайте хитроумные загадки с отважной учительницей
Олей Романчиковой:**

Фотосессия в жанре ню
Бонд, мисс Бонд!
В костюме голый королевы

Елена Логунова

**СПОКОЙНО,
МАША, Я
ДУБРОВСКИЙ!**

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л69

Разработка серийного оформления *Л.Вагановой*

Л69   **Логунова, Елена Ивановна.**
Спокойно, Маша, я Дубровский! : [роман] / Елена Логунова. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Донжуанский детектив).

ISBN 978-5-04-096668-4

Любвеобильный братец Индии Казимир не придумал ничего лучшего, как пригласить сестру на... кладбище — хоронили одну из его любовниц, и ловелас опасался мести обманутого мужа. Там к нему подошла парикмахерша покойной Нина Сигуркина и поделилась подозрениями: Машеньку подменили, в гробу совсем другая женщина! Казимир не поверил этому бреду, и напрасно — на следующий день Нину нашли в ближайшей лесополосе, и теперь она вполне могла составить компанию своей клиентке... Неужели парикмахерша была права?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Логунова Е.И., 2018
© Оформление. Л. Ваганова, 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-096668-4

ГЛАВА 1

— Вот зар-раза!

Я с силой хлопнула дверью и с трудом удержалась, чтобы не пнуть мусорную урну.

— Не получилось? — легко расшифровал мою пантомиму Зяма.

— Холера, — огорченно повторила я вместо ответа и скорчила зверскую гримасу в сторону окна, за которым в прохладе кондиционированного кабинета сидела зараза, она же холера, она же бухгалтер девелоперской компании «Жилье» Марьяна Залесская.

Эту противную тетку с носом тукана и глазами аллигатора я люто возненавидела после первой же нашей встречи. Тогда эта тукано-крокодилиха отказалась выплатить мне честно заработанные деньги, на которые я твердо рассчитывала. Настолько твердо, что даже заказала знакомой, живущей в ЮАР и периодически приезжающей на родину предков на побывку, привезти мне оригинальное колечко с аметистом особой африканской огранки. Знакомая не подвела, колечко привезла хорошенькое на загляденье, но мерзкая Марьяна прокатила меня с деньгами, и эксклюзивное украшение уплыло в буквальном смысле в чужие руки. Это было тем более обидно потому, что денежки, зажатые гадкой Марьяной, я отработала с блеском, способным посрамить юарский аметист.

В прошлом месяце мы с братцем Зямой сваяли для «Жилья» роскошный рекламный буклет. Братиш-

ка-дизайнер взял на себя художественную часть, а я вдохновенно написала безудержно хвалебный текст, в который задним числом с большим удовольствием внесла бы поправки. В частности, теперь я написала бы название обидевшей меня девелоперской фирмы «Жилье» через букву «у» и с легкостью аргументировала бы необходимость такого изменения. Определенно, Марьяне Залесской гораздо больше пойдет быть бухгалтером фирмы «Жулье»! Сегодня она второй раз продинамила меня с деньгами, ссылаясь на временные финансовые трудности компании.

— Эх, Дюха! — покачал головой Зяма. — Не знаешь ты правильного подхода к казначеям и ключникам, учить тебя еще и учить! Смотри, как это делает мастер!

Братишка одернул на себе модную трикотажную рубашечку, легкой поступью взошел на крыльцо, толкнул дверь с табличкой «ООО «Жилье» и исчез в прохладном сумрачном холле.

— Мастер-фломастер!

Я презрительно фыркнула, но возможностью поучиться у известного специалиста по охмурению материально ответственных лиц женского пола пренебрегать не стала, с каковой целью переместилась под окно Марьяниного кабинета и прижалась ухом к затемненному стеклу.

Наш Зяма искренне считает себя гениальным дизайнером. Это вполне нормально, ибо самоуверенность и творческие амбиции — наши фамильные черты. Несколько удивляет меня только то, что регулярно находятся не единокровные нам, Кузнецовым, чудаки, которые разделяют Зямино мнение. В результате у великого Казимира Борисовича всегда есть высокооплачиваемые заказы.

Как свободный художник, Зямочка вынужден совмещать творчество с коммерцией, так что в выбива-

нии денег из клиентов он изрядно поднаторел. Правда, дизайнерскими услугами Зямы чаще пользуются состоятельные дамы, а эти ценительницы прекрасно готовы раскошелиться за одну только возможность лишний раз встретиться с моим оболъстительным братцем. По не вполне понятным мне причинам, Зяма имеет у женского пола такой сокрушительный успех, который при переносе его на поприще искусства обеспечил бы моему братишке прижизненный памятник и немеркнущую славу в веках.

Впрочем, я сильно сомневалась, что хваленое мужское обаяние поможет Зяме охмурить Марьяну Залесскую. Эта женщина производила впечатление бесполого робота, запрограммированного исключительно на самоотверженное служение бухгалтеру.

— Здра-авствуйте, Марьяночка Игоревна! — бархатным голосом напел Зяма, внедряясь в кабинет моей врагини.

— Здравствуйте, Казимир Борисович, — сухо приветствовала его бухгалтерша.

Мне стало ясно, что Зямины мужские чары на Марьяну не действуют. Он, очевидно, тоже это понял и мгновенно сменил тактику, добавив в бархатный голос искренней озабоченности:

— Надеюсь, давешнее падение монгольского тугрика не подорвало финансовую крепость вашей компании?

— Вот шельмец! — с завистливым восхищением прошептала я.

Финансовая крепость родной компании волновала госпожу Залесскую гораздо больше, чем все казаны и донжуаны мира, вместе взятые. Упоминание неустойчивого монгольского тугрика в связи с финансовыми делами фирмы повергло бухгалтершу в растерянность.

— Н-нет, не сказалось, — пробормотала она, встревоженно хмурясь.

В программе бухгалтерского робота случился сбой, и Зяма немедленно этим воспользовался.

— Я очень рад! — заявил он. — Собственно, я и не сомневался в надежности вашей фирмы. Конечно, трагическое обрушение тугрика не могло повлечь за собой финансовые проблемы ООО «Жилье». Ну-с, раз так, я готов получить свой гонорар!

Зяма потер ладони и с подкупающим простодушием уставился на Марьяну. Она открыла рот и через пару секунд закрыла его, так ничего и не сказав. Со смешанным чувством досады и восхищения я увидела, что бухгалтерша потянулась к сейфу.

— Спиши слова! — велела я сама себе и полезла в сумку за блокнотом и ручкой.

Едва я успела зафиксировать чудодейственную фразу про трагическое падение тугрика, на крылечко вышел Зяма. Он победно улыбался и потрясал в воздухе денежными купюрами, которые для пущего моего раздражения развернул пышным веером.

— Видала? — обмахнувшись гонораром, торжествующе спросил братец. — Учись, пока я жив!

— Одолжи на два дня пару тысяч, — хмуро попросила я. — Мне Бронич послезавтра зарплату обещал.

Бронич, или Михаил Брониславович Савицкий — это мой шеф, директор рекламного агентства «МБС». Он отличный мужик, только малость жадноват, так что с него станется задержать обещанную зарплату на денек-другой. Собственно, именно в расчете на послезавтрашнюю встречу с Броничем я списала Зямино заклинание про шаткий тугрик. Авось пригодится.

— Одолжу, но с одним условием, — на удивление легко согласился братец. — Ты отправишься на кладбище!

Я вскинула брови: Зямыны слова меня неприятно удивили. Нет, я понимаю, конечно, долги выбивать надо, но не так же жестко! За пару тысяч загонять в могилу единственную родную сестру?! Такого я от братишки не ожидала.

— Понимаешь, долг чести обязывает меня появиться на похоронах, но я никак не могу пойти туда один, — невнятно объяснил Зяма.

Похороны никогда прежде не казались мне церемонией, в которой категорически недопустимо участие одиноких граждан. Я сказала об этом Зяме, и братец опустил глазки, как застенчивая девица, а его лицо на участках, свободных от затейливо пробритой щетины, покрылось трогательным румянцем.

— Э-э-э, видишь ли, Дюха, — смущенно сказал он. — Хоронят даму с приличной репутацией. А я состоял в особых отношениях с покойной.

— Живых тебе уже мало? — Я не удержалась от шуточки в духе черного юмора.

Зяма — знатный ловелас и сердцеед, не отягощенный моральными принципами и почтением к институту брака. В связи с этим было даже странно слышать, что он называет адюльтер «особыми отношениями». Как раз для него такие отношения вполне обычны.

— Дюха, это очень серьезно, — поморщился братец. — Муж, то есть теперь уже вдовец, серьезный дядька, его лучше не дразнить. Представь, что он может подумать, если увидит на похоронах в тесном кругу родных и близких совсем постороннего парня?

— Он может подумать, что парень не совсем посторонний, — кивнула я. — Так, может, и не стоит тебе соваться в тесный круг родных и близких?

— Ты что? — Зяма обиделся. — Я же не мерзавец какой-нибудь! Как я могу не проститься с женщи-

ной, которая подарила мне множество прекрасных минут!

— Часов и ночей, — я снова кивнула. — Ну а я-то тебе там зачем?

— Так ты же будешь моим прикрытием! — Зяма понял, что я склонна принять его условие и усилил нажим. — Мы притворимся, будто это не ты со мной, а я с тобой пришел. А ты назовешься какой-нибудь Машенькиной подружкой, одноклассницей или однокурсницей. К тебе-то муженек ревновать не станет!

— Ладно, уговорил, — сказала я. — Гони денежки.

Зяма с готовностью отслюнил пару купюр, но я этим не удовлетворилась и бесцеремонно выдернула из его денежного веера еще одну бумажку:

— А это мне на траурный наряд! Нельзя же идти на похороны в белых шортах!

— Да, мне тоже нужно переодеться, — засуетился братец. — Все, Дюха, разбегаемся, жду тебя в половине второго на цветочном рынке у Славянского кладбища!

— Необычное место для свидания, — пряча денежки, хмыкнула я. — Но будь по-твоему!

Зяма порысил в сторону дома, а я пошла на троллейбусную остановку. В отличие от братишки, я вынуждена более или менее регулярно ходить на службу в присутствие — в уже упоминавшееся выше рекламное агентство «МБС». Это обстоятельство не приводит меня в безумный восторг. Особенно в тяжелый день, в понедельник, дополнительно омраченный сорокаградусной жарой.

Трясаясь в переполненном троллейбусе, я с прискорбием думала о том, что рекламы моющих средств и дезодорантов на нашем телевидении явно маловато и она недостаточно эффективна. Некоторые пассажиры благоухали так, словно всю предыдущую неде-

лю безостановочно преодолевали длинные дистанции без всякой помощи колесного транспорта, в процессе марафонского бега обильно потея и не имея ни единой свободной минутки на мытье и переодевание.

В попытке уменьшить количество и интенсивность улавливаемых мною миазмов, я задрала нос повыше. Дышать стало легче, но теперь я могла видеть только потолок. Это было не настолько интересное зрелище, чтобы увлечься им на все двадцать минут поездки, но я честно постаралась выжать из него максимум. Внимательнейшим образом рассмотрела трещинки на пластике, пытаюсь увидеть в них воображаемые картины в технике «гравюра». По возможности вспомнила астрономию и нашла определенное сходство между созвездием Орион и черными точками, которые оставили на потолке горелые спички самозванных пиротехников. Но наибольшего моего внимания удостоились едва заметные буквы, которые я нипочем не заметила бы при других условиях. Среди микроскопических трещинок по потолочному пластику змеилась блеклая карандашная надпись: «Стань богатой — 2486».

Этот загадочный призыв заинтриговал меня настолько, что я перестала брезгливо морщить нос, приговаривать: «Фу!» — и демонстративно обмахиваться ладошкой.

Неожиданная загадка мучила меня больше, чем запах немых тел. Я едва не сломала голову, пытаюсь понять, в чем тут суть. Какова связь невыразительного набора из четырех цифр с приобретением богатства?

Думать, что 2486 — это сумма, на которую можно или нужно разбогатеть, не хотелось, потому что две с половиной тысячи рублей на сокровище не тянули. Впрочем, это могли быть не рубли, а, скажем, евро.

Нет, лучше английские фунты, они дороже. Я приблизительно пересчитала две тысячи восемьдесят шесть британских денег на родные рубли по текущему курсу и решила, что сто пятьдесят тысяч «деревянных» в кармане позволили бы мне чувствовать себя богатой примерно пару месяцев. Мысль о том, что за числом 2486 могут стоять не добротные английские фунты, а какие-нибудь падучие тугрики, я решительно отогнала. Да простят меня потомки Чингисхана, но тугрики и богатство казались мне несовместимыми понятиями.

Впрочем, определенные надежды на эти самые тугрики я все-таки возлагала. Мне не терпелось узнать, какое впечатление произведет заковыристый вопрос с упоминанием монгольских денег на нашего Бронича.

К сожалению, шефа не было на работе. Меня это не удивило: вчера в офисе сломалась сплит-система. Она была старая, а новую купить шеф пожадничал и теперь спасался от жары и упреков сотрудников где-то в другом месте.

В офисе сидела, точнее, обморочно лежала в кресле, моя коллега Зоя Липовецкая. Она придвинула вплотную к столу вентилятор и с мокрым полотенчиком на лбу походила на тяжело раненного авиатора в подбитом аэроплане. Выглядело это так печально, что я не сдержала жалостливый стон:

— О-о, Зочка! Тебе плохо?

— Врать не буду, мне нехорошо, — не открывая глаз, пробормотала коллега. — Да и тебе тоже сейчас поплохеет.

Она слегка оживилась и даже разлепила ресницы, чтобы увидеть, как мне станет дурно.

— Звонил Бронич, — сообщила коллега.

Это известие я перенесла стойко. Подумаешь, Бронич звонил! Великое дело!

— Куда звонил, в пожарные колокола? — уточнила я, мужественно сохраняя спокойствие.

— Нет, в офис, — ответила Зойка.

Ее жиденькое чувство юмора на жаре окончательно испарилось.

— Шеф велел нам срочным образом придумать забойный текст для рекламы стоматологической клиники.

— Упс, — выдохнула я, опускаясь в свое кресло.

Поначалу задача не показалась мне слишком сложной. Я даже успела выдать на-гора гениальную, как мне показалось, заготовку: «Стоматология «Дракула». Специализируемся на ортодонтии глазных клыков». К сожалению, дальше этого псевдоготического пассажа дело не пошло — жара пересушила все родники моего творчества.

— Фирма называется «Мегадент», — подсказала Зойка.

— Что в переводе означает «Огромный зуб», — сказала я и задумалась.

Упоминание суперзуба в единственном числе меня сильно смущало. Возникло резонное предположение, что заведение ориентировано на оказание специализированной стоматологической помощи исключительно бобрам и кроликам со сросшимися резцами. Или это не элитная стоматология, а примитивная зубодралка, после посещения которой у пациента остается всего один зуб? Я озвучила свои мысли Зойке, и ее раскрасневшееся лицо осветила блуждающая улыбка.

— «Если вы все время улыбаетесь, то вы либо слабоумный идиот, либо пациент клиники «Мегазуб», — тут же придумала я, используя зарисовку с натуры.

На мой взгляд, содержащийся в данной фразе посыл был совсем неплох, но Зойка со мной не согласилась, и полтора часа, оставшиеся до обеденного

перерыва, мы провели в вялых и бесплодных прениях на тему супермегарекламы.

Ровно в тринадцать ноль-ноль я отклеила зад от стула и отправилась в ближайший торговый центр, чтобы пройти экспресс-курс моральной и физической реабилитации в кондиционированных залах модных лавок. Поход увенчался успехом, на сезонной распродаже в магазинчике женской деловой одежды мне удалось по бросовой цене приобрести очень приличное черное платье-«чехол». Изящный кружевной воротничок смягчал общую строгость фасона, позволяя причислить платье к универсальным нарядам типа «и в пир, и в мир». Понятие «пир» я нынче трактовала достаточно широко, подразумевая под ним, в частности, похоронную тризну.

Возвращаясь на работу в послеполуденную жару я не стала, в назначенный час встретила в условленном месте Зяму и под ручку с братцем отправилась на похороны его бывшей подруги. Об усопшей я знала только, что при жизни она не была верной супругой и откликалась на милое имя Машенька.

— Думаешь, этой скудной информации о покойнице хватит, чтобы убедительно изобразить ее подружку? — шепотом спросила я Зяму, когда мы побрели вдоль длинной вереницы дорогих автомобилей к месту последнего приюта милой Машеньки.

— Ах, оставь! — отмахнулся братец, трагически кривя губы.

Он уже вошел в образ и показательно печалился. Я старательно скопировала его гримасу, от себя добавив к ней скорбно заломленную бровь.

— Вряд ли кто-то станет спрашивать тебя о Машеньке, но, если что, ты наверняка что-нибудь придумаешь, — сказал Зяма.

Я не стала с ним спорить. Что-нибудь придумать — это я могу. У меня генетическая предраспо-

ложенность к более или менее буйным фантазиям — спасибо мамуле. Она у нас знаменитая писательница, успешно работающая в жанре литературного кошмара.

К тому моменту, когда мы с Зямой непринужденно влились в толпу людей в черном, я в общих чертах набросала свою легенду. Если кто спросит, я Машенькина подружка по песочнице.

— Может, все-таки по детскому саду или по школьной парте? — покритиковал меня Зяма, кровно заинтересованный, чтобы я не провалилась.

— А ходила ли Машенька в садик, тебе известно? И в какой школе она училась, ты знаешь? — отбрила я. — Вот я нахально назовусь ее одноклассницей, и тут вдруг выяснится, что Машенькина альма-матер — британский пансион для благородных девиц. А я никогда не бывала на берегах туманного Альбиона и по-английски говорю, как африканский зулус! Нет уж, лучше я про песочницу врать буду. Про куличики, про ведерки и лопатки... В конце концов, каждый ребенок хоть раз в жизни ковырялся в песочнице!

— И эти единственные совместные посиделки в песочнице так тебе запомнились, что землеройная тема оказалась актуальной и двадцать лет спустя?! — съязвил Зяма, опасно покосившись на мужиков с лопатами, испачканными жирной кладбищенской землей.

Вскоре выяснилось, что Зяма не напрасно боялся проверки на вшивость. Через минуту-другую после того, как мы с братишкой скромно притулились за широкими спинами кладбищенских копачей, к нам подкрался несимпатичный двухметровый детина. Его бандитскую наружность не сумели облагородить ни длиннополый пасторский сюртук, ни швейцарский хронометр, ни черные очки из модной коллекции.